

Валерий Громак

Валерий Иванович Громак – родился в 1952 году на Украине. Срочную служил в Белоруссии в Ракетных войсках стратегического назначения. В Вооружённых силах СССР и России прослужил 38 лет. Из них 14 лет – в Заполярье. Капитан 1 ранга. Победитель журналистского конкурса на право полёта советского журналиста в космос, лауреат премии Валентина Пикуля, лауреат премии Союза журналистов России «За профессиональное мастерство» и ряда других. Автор книг: «Морская пехота Балтики. Слава и память», «Дороги памяти», «Курс норд-вест», «Ему салютовала Москва». Живёт в Калининграде.

А МЫ РАВНЕНЬЕ ДЕРЖИМ ВЕРНОЕ...

Как быстро летит время! Кажется, совсем недавно мы пели, идя строем по улицам Львова: «А мы равнение держим верное. Львовяне сразу узнают. Курсанты высшего, военного, политучилища идут». А ведь прошло уже полвека. 1 сентября прошлого года исполнилось 50 лет, как мы стали курсантами ЛВВПУ. Среди 147 военно-учебных заведений СССР Львовское высшее военно-политическое ордена Красной Звезды училище не просто выделялось, а было на порядок престижнее. Это был единственный в мире военный вуз, готовивший военных журналистов и культпросветработников для армии и флота. После распада Советского Союза училище оказалось за пределами Российской Федерации, и сегодня выпускает спецов совсем иной идеологической направленности – к сожалению. В прошлом году мы, те, кто познакомился друг с другом полвека назад и кто пронёс верность дружбе и училищному братству через годы, собрались в Москве. Во Львове, где прошла наша курсантская юность, мы пока собраться не можем. Но живы традиции, история училища продолжается – в сердцах тех, кто не изменил присяге, остался верен заповедям красных комиссаров. Были дружеские объятия, признания, рассказы. Нам, поступившим на факультет журналистики ЛВВПУ полвека назад, было что вспомнить. В том числе и курсантские байки об однокурсниках и преподавателях.

В самоволку за борщом

Об этом знаменитом человеке написано множество историй. Но между собой мы, курсанты обоих факультетов – культпросвета и журналистики, величали нашего легендарно строгого и мудрого полковника просто «Костя Непейвода».

Впервые я увидел его ещё в абитуре благодаря моему земляку, учившемуся на выпускном курсе, мастеру спорта Толе Чумаченко. Помню, Непейвода с прищуром посмотрел на меня: «Спортсмен?» И, услышав утвердительный ответ, произнес: «Хорошо».

Родители однокурсника Васи Страшко, с которым мы три года обитали в одной комнате общаги, жили недалеко от училища. Отец Васи служил в КГБ, в этой же структуре в звании генерала закончил службу дед. Вася частенько бегал в самоволку, чтобы подкрепиться домашними харчами, и нам с Витей Михеевым и Серёгой Колбасовым порою что-нибудь вкусненькое тоже перепало. Поест Вася любил, за что и получил у нас в комнате кличку «Желудок».

Однажды пригласил меня на домашний харч. Договорившись, что в случае чего Витя Михеев нас прикроет, махнули через забор у санчасти «на волю». Мама Васи, прекрасная женщина и домохозяйка, накормила нас, как говорится, «от пуза». Вася решил ещё на часок дома задержаться,

а я отправился в училище. Прощаюсь у двери с Васиной мамой и вдруг слышу за спиной протяжный голос... полковника Непейводы: «Товарищ курсант!» У меня душа ушла в пятки, а по спине покатился липкий пот. Откуда мне, сирому, было знать, что полковник Непейвода живёт на одной лестничной площадке с родителями Васи Страшко?

Поворачиваюсь к стоящему в дверном проёме своей квартиры полковнику и слышу спокойный голос Васиной мамы: «Костя, это я пригласила ребят вспомнить вкус домашнего борща. Считай, что ты никого не видел!» А мне таким же спокойным тоном: «Иди, Валера, в училище...»

Самоход этот мне Непейвода так и не припомнил.

«Бобёр»

Занятия по минно-взрывному делу вёл фронтовик, полковник. Между собой курсанты его называли Бобёр. Массивный, неуклюжий, с грубыми чертами лица, он и впрямь походил на бобра.

Был июнь, во Львове стояла прекрасная погода, ветерок заносил в открытые окна запахи цветов и свежескошенной травы. Полковник рассказывает о назначении различных типов мин, а курсанты за задними столами заняты своими делами. Кто дремлет, кто книгу читает втихаря, кто пишет родным под видом конспектирования.

«Итак, товарищи курсанты, это мина нажимного действия... – Бобёр указкой показывает на макет мины. – Она предназначена... Вот идёт себе немец, ничего не замечает и наступает на мину...» Бобёр, имитируя ногу немца, с силой надавливает указкой на взрыватель, как обычно на лекциях.

Раздаётся жуткий грохот, аудитория окутывается дымом. Курсанты с перепугу валятся из-за столов на пол. Открывается дверь и в класс заскакивает перепуганный дежурный офицер.

Когда дым рассеивается, Бобёр, как истинный фронтовик, невозмутимо говорит: «Всё нормально, товарищ капитан. Вы свободны». А потом обращается к лежащим на полу: «Так, товарищи курсанты. Признавайтесь, какая... вкрутила в учебную мину взрыватель?»

До полика!

У меня хранится снимок, где я с перепачканным грязью лицом в танковом комбинезоне стою со своим другом сержантом Витей Михеевым у Т-55. Фотографировались на занятиях по практическому вождению танка. Их вёл Герой Советского Союза полковник Иван Иванович Ревков. Его сразу можно было отличить в строю офицеров училища по фуражке с околышем из чёрного бархата. Со времён приказа Верховного Главнокомандующего товарища Сталина такой головной убор имели право носить только танкисты. И когда офицеров училища переодели в общевойсковую военную форму (с красными околышами), Ревков добился права остаться при своей.

Он был почётным гражданином Севастополя, куда прорвался при его освобождении со своим взводом тридцатьчетвёрок и водрузил знамя над вокзалом. Как он сам о себе говаривал: «Несколько раз горел в танке. Два из них не очень...» Что имелось в виду под словом «не очень», мы не допытывались, но уважали его и любили как человека и настоящего профессионала. О трансмиссиях, планетарном механизме, траках, цапфах он рассказывал как о самых главных вещах в жизни. (Кстати, мне это потом пригодилось при сдаче экзамена по общевойсковой тактике при поступлении в академию.)

Вождение танка по пересечённой местности никакого труда для сержанта Виктора Михеева, который во время срочной службы был командиром боевой машины, не составляло. Но для большинства из нас...

Видя моё замешательство, полковник Ревков занимает место в командирской башне. Я, механик-водитель, слышу в шлемофоне спокойные команды Ивана Ивановича и, тронув танк с места, веду его по трассе. Накануне прошёл дождь, в низинах огромные лужи. Когда танк спускается в лощину, невольно сбавляю обороты. «Что, сдрейфил?! – раздаётся голос преподавателя в наушниках шлемофона. – Давай до полика!»

От неожиданности или с перепугу жму до упора на педаль подачи топлива. Танк на полном ходу со всего размаху влетает в лужу, голову обдаёт жижей, поскольку крышка люка открыта. А наблюдав-

ший за этим финтом прапорщик-инструктор рассказал потом, что полковник Ревков чуть не вылетел от такого манёвра из башни.

На подведении итогов полковник Ревков, пожимая мне руку, тихонько поинтересовался: «Что такое до полика запомнил?»

Запомнил. И с благодарностью вспоминал уроки Ивана Ивановича, когда приезжал в командировку в танковый батальон бригады морской пехоты и мог запросто сесть на место механика-водителя и повести танк. Естественно, у морпехов тут же менялось отношение к газетчику.

Разойдёмся красиво?

Ревков, было дело, подшучивал над курсантами, которые вели себя на занятиях нагло. До нашего набора был последний приём в училище, когда брали сверхсрочников и платили им тот оклад, который они получали в своих частях. Нам, бывшим сержантам срочной службы, тоже платили больше, чем рядовым курсантам: 15, а то и 20 рублей вместо 10. Зато с третьего курса все уже получали по 15. А сверхсрочники – по 90–100 рублей. Старшекурсник С. порой говорил: «Я не просто “кусок”, а “кусок” сторублёвый».

И вот он заходит к Ревкову на зачёт по танковой подготовке с нагловатой фразой: «Может, разойдёмся красиво, товарищ полковник?» На что Иван Иванович отвечает: «Расходятся красиво только с девицами лёгкого поведения. Придётся в следующий раз».

Когда С. сделал третью или даже четвертую попытку сдать преподавателю зачёт, Ревков предложил ему залезть в танк и развернуть башню на 180 градусов. В наших аудиториях в зависимости от военной дисциплины стояла техника, был и танк весом 36 тонн, из которых одна башня тянула тонн на 18. В ней, конечно, имелся стопор, опустив который можно было вручную (без включённого двигателя) повернуть рукоятью ствол орудия в нужную сторону.

С. в башню залез и там несколько минут находился. Так как он был высокий, то, видимо, случайно зацепил тот стопор, поэтому саму башню развернуть не смог. Тогда выбрался наружу, взялся за ствол пушки и стал её разворачивать на заданный градус.

Ревков схватился за голову: «Всё, ухожу из училища... Давай свою зачётку и вали».

1001-я ночь

Перед сдачей сессии за третий курс кто-то из ребят предложил отметить тысяча первую ночь в училище во время выезда на полигон, где должны были сдавать зачёт по практическому вождению танка. Курсанты подготовились основательно: кто вина во фляжку набрал, кто покрепче. Вася Страшко заговарился чистым спиртом, благо мама у него работала врачом.

Занятия были в полном разгаре, когда на полигоне появилась машина начальника училища генерал-майора Новикова. Полковник Ревков объявил группе перекур, а сам поспешил с докладом к генералу.

Было жарко. И Герой Советского Союза обратился к Васе Страшко: «Дай-ка попить». Вася снял с пояса свою флягу и, не подумав про содержимое, протянул преподавателю. Тот, не морщась, сделал несколько глотков и вернул. Но когда генерал уехал, полковник вновь попросил у Страшко фляжку, содержимое которой Вася, тухнув, уже успел вылить в кусты. Убедившись, что фляга пустая, полковник произнёс: «Разгильдяй ты, Страшко. Смотри, больше спирт в учебный центр не вози». А потом повернулся к командиру группы Вите Кутищеву: «Займётесь самоподготовкой, а я в столовую. Потом чуток отдохну».

Мальчики-мальчики, где вы росли?

Лидия Александровна Андросова (в своё время переводчица на Нюрнбергском процессе) преподавала нам немецкий язык. Как его изучали тогда в сельских школах, которые окончили многие курсанты, рассказывать не буду. К тому же большинство из нас в училище пришли со срочной службы, где всё напрочь забылось.

При первом же знакомстве с группой Лидия Александровна поняла всю полноту наших знаний и грустно так произнесла: «Мальчики-мальчики, где вы росли, где вы цвели?» Более душевного, тактичного человека мы не встречали и старались не подвести нашего преподавателя, зубрили, сдавали «тысячи». Но нет-нет да огорчали.

По-немецки хорошо «шпрехал» лишь Витя Михеев. Потому он садился за первый стол, чтобы отвлекать Лидию Александровну. И вот очередное занятие. За последним столом после ночного дежурства «бодрствует», смежив веки, Саня Макаров. Витя Михеев беседует с Лидией Александровной по-немецки. Что снилось в это время сыну главного хирурга города Ейска Саше Макарову, сказать трудно. Но он вдруг спросонья решил блеснуть латынью, выдав: «Фортуна нон...» Лидию Александровну чуть удар не хватил...

На экзамен по немецкому мы принесли массу цветов. А Витя Хабаров сделал огромное фото нашей группы с развёрнутым плакатом, где по-немецки было написано: «Мы разговариваем по-немецки благодаря Вам, любимая Лидия Александровна!» Но в текст плаката как-то вкралась ошибка. И опять в наш адрес с укором прозвучало материнское: «Мальчики-мальчики...»

Что ощущаете, то и рисуйте!

Общевойсковую тактику на первом курсе нам читал фронтовик полковник Янов. Проходили тему «Полк в обороне», преподаватель вызвал к доске Славу Чубакова: «Товарищ курсант, рисуйте передний край обороны: окопы, огневые точки...» Слава Чубаков взял мел, подошёл к доске и посмотрел на нас с мольбой: что и как рисовать, подскажите. Преподаватель тактики, видя затруднение курсанта, решил ему помочь: «Эллипсы рисуйте, товарищ курсант!» Слово «эллипсы» ввело Славу в ступор. Он опять с мольбой в глазах к аудитории: что рисовать-то? Поняв, что слово «эллипс» курсант Чубаков слышит впервые, полковник Янов вновь пришёл на помощь: «Товарищ курсант. Возьмите мел в правую руку. Взяли? Теперь левую руку засуньте в левый карман брюк. Засунули? Нащупайте левое яйцо и что ощущаете, то и рисуйте...» После этого урока тактики мы на всю жизнь запомнили, что такое эллипс.

